

Т. А. Семенова, И. А. Чуднов

«ПРАВОВЫЕ» ФОРМЫ НЕПРАВОВЫХ МЕТОДОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РАСКУЛАЧИВАНИЯ)

На основе анализа советского законодательства и комплекса административных актов 1920–1930 гг. в правовой плоскости рассмотрены понятие «кулак» и механизм «раскулачивания» как специфический неправовой метод конфискационного перераспределения собственности в переходной экономике мобилизационного типа; сделан вывод о том, что понятие «кулак», широко применяясь в репрессивной практике, так и не получило легального определения и закрепления, а псевдоправовые меры раскулачивания, решая исключительно политические задачи, противоречили экономической эффективности сельскохозяйственного производства. В данном случае право не регулировало сложившиеся общественные отношения, а пыталось формировать их в рамках классовой доктрины построения социализма, что имело далеко идущие последствия: существенно затруднило вопросы реабилитации бывших кулаков, создало прецедент силового регулирования отношений собственности за пределами действующего законодательства и, что особенно важно в современной сложной геополитической ситуации, сформировало негативный исторический фон, существенно ухудшающий восприятие инвесторами российских правовых реалий.

Ключевые слова: право собственности, кулаки, советское законодательство, силовое регулирование.

T. A. Semenova, I. A. Chudnov

«LEGAL» FORMS OF ILLEGAL METHODS OF REGULATING THE PROPERTY RIGHTS (ON THE EXAMPLE OF DISPOSSESSION OF KULAKS (RASKULACHIVANIE))

Based on the analysis of the Soviet legislation and the set of administrative acts of 1920s–1930s, the authors discuss in the legal field the concept of «kulaks» and the mechanism of their dispossession (“raskulachivanie”) as a specific illegal method of confiscatory redistribution of property in transition economy of the mobilization type. The authors conclude that the notion of «kulaks», being widely applied in repressive practices, was not legally established and defined, and pseudo-legal measures of «raskulachivanie», solving solely political tasks, were contrary to the economic efficiency of agricultural production. In this case, the law did not regulate the prevailing social relations, but tried to shape them within the framework of the class doctrine of socialism that had far-reaching consequences: rehabilitation of former «kulaks» was significantly hampered; the precedent of force regulation of property relations beyond the current legislation was created; and, that is especially important in the modern complicated complex geopolitical situation, the negative historical background was formed which considerably deteriorates the perception of the Russian legal realities by investors.

Keywords: property rights, kulaks, Soviet legislation, force regulation.

Семенова Татьяна Александровна — юрист, директор ООО Научное издательство «Глобус», Российская Федерация, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 39; publikator@mail.ru

Чуднов Игорь Александрович — доктор экономических наук, консультант ООО Научное издательство «Глобус», Российская Федерация, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 39; chudnov.kem@mail.ru

Semenova Tatyana Aleksandrovna — lawyer, Director of the Scientific Publishing Company «Globus», 39, pr. Sovetskiy, Kemerovo, 650000, Russian Federation; publikator@mail.ru

Chudnov Igor Aleksandrovich — doctor of economic sciences, consultant of Scientific Publishing Company «Globus», 39, pr. Sovetskiy, Kemerovo, 650000, Russian Federation; chudnov.kem@mail.ru

Решения, которые могут быть объяснены объективными политическими соображениями, диктуют необходимость принятия решений экономически явно неправильных...

Из письма А. И. Рыкова и Г. Л. Пятакова членам ЦК 19 сентября 1923 г.¹

Реализация политического курса, не подкрепленного экономической целесообразностью, неизбежно переходит в плоскость административного регулирования, включая принуждение, что в свою очередь требует специфического правового обеспечения. Когда действующее право, призванное регулировать сложившиеся общественные отношения, мобилизуют на их коренную ломку, право перестает выполнять свои функции или просто игнорируется.

Традиционно принято считать, что государственное регулирование в экономической сфере осуществляется для реализации общественно значимых целей: роста производства, национального богатства, занятости, благосостояния и т. п. В то же время специфика экономической политики первых десятилетий советской власти заключалась в сознательной направленности не на экономический рост, повышение производительности труда и т. п., а, наоборот, на избирательное подавление эффективных форм их достижения. «Нам нужен не всякий рост производительности труда, — подчеркивал И. В. Сталин, — а именно такой рост, который обеспечит систематический перевес социалистического сектора... хозяйства над сектором капиталистическим».² Задача, поставленная вождем, не могла быть решена экономическими методами, поэтому применялись в основном методы административно-репрессивные. «Советский закон являлся орудием сначала ограничения и вытеснения, а затем — ликвидации капиталистической собственности и орудием переделки мелкотоварной, трудовой собственности».³ Кроме того, «ограничение, вытеснение и ликвидация» могли осуществляться и за рамками закона, что наиболее наглядно показало правовое обеспечение коллективизации.

В речи «К вопросам аграрной политики в СССР» на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. И. В. Сталин заявил о переходе «от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества» к «политике ликвидации кулачества как класса».⁴ Главным методом коллективизации вне рамок советского права было избрано так называемое раскулачивание, юридического понятия которого не существовало. «Термин “раскулачивание” достаточно широко применялся в нормативных актах, которыми руководствовались органы, принимавшие решения, — отметила Судебная коллегия по гражданским делам Московского областного суда, — связанные с применением репрессий, однако этот термин нельзя рассматривать как правовой, “раскулачивание” могло быть связано с различными видами ограничений прав и свобод граждан, подвергавшихся репрессиям по классовым, социальным и имущественным признакам, является собирательным и не подлежит

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 540. Л. 108. — А. И. Рыков — в 1923 г. первый заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров (фактически — председатель при больном Ленине), Г. Л. Пятаков — заместитель Председателя Госплана РСФСР, заместитель Председателя ВСНХ.

² Сталин И. В. Соч. Т. 12. М., 1949. С. 79–80.

³ Рубинштейн Б. М. Советское хозяйственное и гражданское право. М., 1936. С. 65.

⁴ Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 56.

применению, как обозначение вида репрессий».⁵ Такова позиция суда, но для граждан, которых лишали имущества и выселяли в отдаленные районы, собирательный термин «раскулачивание» все же «подлежал применению». Сегодня суды применяют норму ст. 1 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»,⁶ по смыслу которой раскулачивание можно отнести к «иному лишению или ограничению прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями». Законодатель привел следующие виды политических репрессий:

- лишение жизни или свободы;
- помещение на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения;
- выдворение из страны и лишение гражданства;
- выселение, направление в ссылку, высылку и на спецпоселение;
- привлечение к принудительному труду в условиях ограничения свободы.

В перечне отсутствует лишение имущества, которое наряду с высылкой и ссылкой было главным методом борьбы с кулачеством; его правовой основой стал комплекс нормативных актов исполнительной власти, включая совместные постановления ЦИК, СНК СССР и ЦК ВКП(б). Главный вопрос — о принадлежности хозяйства к кулацкому — решался на основании Постановления СНК СССР от 21 мая 1929 г. «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде».⁷ К «признакам» были отнесены: систематическое применение наемного труда, наличие мельницы, маслобойни, крупорушки, шерстобитки или «промышленного предприятия» с механическим двигателем, водяной или ветряной мельницы, систематическая сдача внаем сложных сельхозмашин с механическим двигателем, отдельных оборудованных помещений под жилье или предприятие. Кроме того, члены хозяйства кулака занимались торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством или имели другие нетрудовые доходы (в том числе это касалось и «служителей культа».⁸

Хозяйствам, подпадавшим под «признаки», устанавливались «твердые задания» по хлебозаготовкам, невыполнение которых автоматически повышало их в пять раз (так называемое кратирование), что вело к ликвидации хозяйства. Данная мера налогового регулирования оказалась настолько эффективной, что к зиме 1929 г. хозяйств с «кулацкими» признаками практически не осталось. Тем не менее «нажим» на кулака продолжался, а «признаки» уточнялись в Положении от 23 февраля 1930 г.

⁵ *Справка* по результатам обобщения судебной практики рассмотрения судами в 1995–1997 гг. дел, связанных с разрешением споров по вопросам реабилитации жертв политических репрессий. Московский областной суд // <http://old.lawru.info/base43/part8/d43ru8934.htm>.

⁶ Закон РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 (ред. от 30 ноября 2011 г.) «О реабилитации жертв политических репрессий» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1428; СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7039.

⁷ СЗ СССР. 1929. № 34. Ст. 301.

⁸ *Документы* свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 гг. / под ред. В. П. Данилова. М., 1989. С. 221–222.

«О едином сельскохозяйственном налоге на 1930 год».⁹ Это было необходимо власти, так как исходя из «признаков», установленных Постановлением СНК СССР в 1929 г., кулацких хозяйств уже не было. «Старые признаки кулачества, — отмечал М. И. Калинин, — почти отпали, новые не появились, чтобы их можно было зафиксировать».¹⁰ Политическая логика коллективизации требовала по-новому, более глубоко подойти к вопросу, выявить новый слой «кулаков», которые, будучи гражданами СССР, лишались гражданских прав (имущественных, избирательных, на жилище, образование и пр.) не только без изменения, но и вообще без применения действующего законодательства, в лучшем случае — простой директивой органа исполнительной власти.

Мощным инструментом легитимации раскулачивания в общественном сознании стало тиражирование идеологемы¹¹ «кулак», которая в совокупности с лозунгом «экспроприация экспроприаторов» придавала видимость политически оправданной законности (по крайней мере, в массовом сознании) конфискации продукции крепких сельских производителей. Идеологема «кулак», действуя на бессознательном уровне, служила одной из «сжатых пружин политического манипулирования», с помощью которых в советского человека не только «вгоняли заряды идеологической энергии»,¹² но и оправдывали подмену права административным волюнтаризмом.

В Постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству»¹³ содержался призыв «объявить кулачеству не на жизнь, а на смерть войну и в конце концов смести его с лица земли». 11 января 1930 г. «Правда» опубликовала передовую «Ликвидация кулачества как класса становится в порядок дня». С одной стороны, это фактически было объявлением гражданской войны, когда народ призывали «смести с лица земли» целую социальную группу, с другой — все происходило в правовом поле. Статья 14 Конституции РСФСР 1925 г. позволяла, «руководствуясь интересами трудящихся», лишать «отдельных лиц и отдельные группы прав, которыми они пользуются в ущерб интересам социалистической революции». Кроме того, Конституция гарантировала «диктатуру пролетариата в целях подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком» (ст. 1). Конституция РСФСР не содержала нормы о прямом действии, и ее положения должны были конкретизироваться законами и иными актами.

В соответствии со ст. 5 Гражданского кодекса РСФСР «кулаки» как сельские товаропроизводители занимались не запрещенной законом деятельностью, приобретали и отчуждали имущество с учетом ограничений, указанных в законе, совершали сделки и вступали в обязательства, организовывали промышленные и торговые предприятия с соблюдением постановлений, регулирующих промышленную и торговую деятельность и охраняющих применение труда. Исходя из этого в соответствии со ст. 6 ГК РСФСР они не могли быть лишены гражданских прав или

⁹ Положение о едином сельскохозяйственном налоге на 1930 год. Утв. постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 февраля 1930 г. // СЗ СССР. 1930. № 13. Ст. 144.

¹⁰ Цит. по: Мошков Ю. А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации. М., 1966. С. 176.

¹¹ Под идеологемой мы в данном случае понимаем *вербально закрепленное идеологическое предписание* (Купина Н. А. Тоталитарный язык. Слова и речевые реакции. Екатеринбург, 2005. С. 13).

¹² Земцов И. Советский политический язык. Лондон, 1985. С. 7–8.

¹³ Правда. 1930. 16 янв.

ограничены в правах иначе как в случаях и в порядке, определенных законом. Порядок ограничения имущественных прав определялся ст. 69 и 70 ГК РСФСР. Согласно ст. 69 реквизиция имущества у собственников допускалась в порядке, установленном Декретом о реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ,¹⁴ с вознаграждением собственника по средним рыночным ценам, существующим к моменту изъятия имущества, а согласно ст. 70 конфискация имущества у собственников допускалась лишь в виде наказания в случаях и в порядке, установленных законом.

Кулаки в своей производственной деятельности не выходили за рамки легального гражданского оборота и, соответственно, за рамки действовавшего УК РСФСР. Таким образом, на легальном основании преследовать их было невозможно, поэтому и призыв ЦК ВКП(б) «смести с лица земли» был адресован не правоохранительным органам, а неопределенному кругу лиц и органов. Теоретической основой борьбы с кулаками, считавшимися прежде всего эксплуататорами, фактически стала абсолютизация известного постулата Помпония [D.50.17.206] «*Aequum est nemo cum alterius detrimento fieri locupletior*» («Справедливо, чтобы никто не становился богаче от ущерба другого»), впоследствии развитого в известный марксистский лозунг экспроприации экспроприаторов.¹⁵ Под этим понималось, что кулаки (эксплуататоры) становятся богаче за счет деревенской бедноты — батраков (эксплуатируемых).

Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством»¹⁶ отменяло в районах сплошной коллективизации действие закона о разрешении аренды земли и о применении наемного труда в единоличных крестьянских хозяйствах (разд. VII и VIII Общих начал землепользования и землеустройства).¹⁷ Кроме того, Постановление предоставляло краевым (областным) исполнительным комитетам и правительствам автономных республик право применять в этих районах все необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краев (областей). Порядок применения этих мер определялся секретной инструкцией.¹⁸ Конфискованное имущество кулацких

¹⁴ Декрет СНК РСФСР от 17 октября 1921 г. «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ» // СУ РСФСР. 1921. № 70. Ст. 564; Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 28 марта 1927 г. «Об утверждении Сводного закона о реквизиции и конфискации имущества» // СУ РСФСР. 1927. № 38. Ст. 248.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 772–773.

¹⁶ СЗ СССР. 1930. № 9. Ст. 105.

¹⁷ Общие начала землепользования и землеустройства, утв. Постановлением ЦИК СССР IV созыва от 15 декабря 1928 г. // СЗ СССР. 1928. № 69. Ст. 642.

¹⁸ Инструкция Президиума ЦИК СССР от 4 февраля 1930 г. «О выселении и расселении кулацких хозяйств» (не публиковалась) за подписями Председателя ЦИК СССР М. И. Калинина, Председателя СНК СССР А. И. Рыкова и Секретаря ЦИК СССР А. Енукидзе с грифом «Секретно» дополняла и разъясняла упомянутое Постановление ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством». Согласно ст. 17 Конституции СССР (1924 г.) ЦИК СССР издавал кодексы, декреты, постановления и распоряжения. Статус секретных разъяснений к опубликованному постановлению в советском законодательстве, по крайней мере для ЦИК и его Президиума, не предусматривался. Указ Президиума ВС СССР от 5 мая 1964 г. № 2473-VI «О признании утратившими силу некоторых законодательных актов СССР» (Ведомости ВС СССР. 1964. № 20. Ст. 243), признав Постановление ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства...» утратившим силу, Инструкцию не упоминает.

хозяйств, за исключением долгов государственным и кооперативным органам, передавалось в неделимые фонды колхозов в качестве взноса бедняков и батраков, вступающих в колхоз.¹⁹

Конфискация, будучи одной из основ революционного права, построенного на известных принципах «грабь награбленное» и «отобрать и поделить», абсолютно доминировала в числе санкций первого Уголовного кодекса РСФСР. Как основное наказание она была закреплена в санкциях 55 статей УК РСФСР 1922 г. (из 200 статей в целом). В то же время конфискация имущества у кулаков, применявшаяся на основании упомянутой секретной Инструкции, не основывалась на нормах УК РСФСР, так как кулаки формально не совершали уголовных преступлений. В районах сплошной коллективизации у кулаков изымали средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия, продовольственные, кормовые и семенные запасы, излишки домашнего имущества, а также наличные деньги. Отобранные сберегательные книжки и облигации государственных займов направлялись на хранение в финансовые органы. Выдача кулакам вкладов, ссуд под залог облигаций, «безусловно, прекращалась». Паи и вклады всех кулаков в кооперативные объединения передавались в фонд коллективизации бедноты и батрачества, а владельцы исключались из всех видов кооперации. Лишенцам оставляли лишь самые необходимые предметы домашнего обихода, простейшие средства производства, минимум продовольственных запасов, а также до 500 руб. на семью. Конфискация имущества у кулаков производилась особо уполномоченными районных исполнительных комитетов с обязательным участием сельских советов, представителей колхозов, батрацко-бедняцких групп и батрачковых. Упомянутые лица (организации) по действовавшему законодательству не имели права проводить конфискацию, и эта деятельность имела характер произвола. В целом в период коллективизации сельского хозяйства «применение конфискации имущества существенно расширяется и обрушивается всей тяжестью на крестьян, не принявших эту форму кооперации и сталинские формы ее проведения».²⁰

Процесс раскулачивания не был единовременным, он имел характер тщательной и эшелонированной «зачистки». Когда в соответствии с установленными «признаками» кулацких хозяйств не осталось, репрессии не были прекращены, а вместо этого стали разрабатываться новые, более углубленные «признаки» для выявления нового слоя кулаков. Так и не решив вопрос о «новых признаках», ЦИК и СНК СССР 23 декабря 1930 г. специальным Постановлением²¹ переложили эту задачу на местные Советы, разрешив им самим устанавливать признаки кулацких хозяйств «применительно к местным условиям». Таким образом, местные Советы получили право ограничения или лишения гражданских прав, что значительно выходило за пределы их полномочий.

¹⁹ Пункт 3 разд. 3 Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» (Совершенно секретно) (Исторический архив. 1994. № 4. С. 149).

²⁰ Голубов И. И. Конфискация имущества как вид наказания. Автореф. дис. ... к. ю. н. М., 1999. С. 7.

²¹ Постановление ЦИК СССР № 52 и СНК СССР № 766 от 23 декабря 1930 г. «Об обложении кулацких хозяйств единым сельскохозяйственным налогом в индивидуальном порядке» // СЗ СССР. 1931. № 1. Ст. 6; № 19. Ст. 171.

В свое время В. И. Ленин напоминал (кстати, И. В. Сталину), что «законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации Советских республик».²² В данном случае кулак, как враг социалистического строительства, в Калуге определялся по-своему, а в Казани — по-своему, но ни там, ни там — не на основании Закона ввиду отсутствия такового. Что касается политической воли, то она в любом случае должна была быть «выражена как закон, установленный властью».²³ Кампания по ликвидации кулачества как класса ярко показала процесс подмены права политикой. Так, передача права определения «признаков» на места неизбежно вела к их расширительному толкованию, что санкционировало «перегибы».²⁴ Местные советы стали включать в категорию кулаков все «чуждые элементы» или кажущиеся таковыми. Президиум Северо-Кавказского крайисполкома включил в число признаков кулацких хозяйств получение дохода от занятия извозом, содержание постоянного двора, чайного заведения и т. п.²⁵ Таким образом, основным признаком «кулачества» стало проявление частной экономической (предпринимательской) инициативы.

Борьба с кулаком велась вне правового поля, соответственно и право применения мер принуждения, пока это требовалось, имел неопределенно широкий круг лиц. Однако длительное предоставление чрезвычайных полномочий, как свидетельствует исторический опыт, опасно выходом «чрезвычайщины» и ее исполнителей из-под контроля. Секретная Директива за подписью И. В. Сталина и В. М. Молотова от 8 мая 1933 г. № П-6028²⁶ партийным, советским и правоохранительным органам требовала прекратить «массовые беспорядочные аресты» («арестовывают все, кому не лень и кто, собственно говоря, не имеет никакого права арестовывать», констатировали авторы упомянутой Инструкции), которые производились в деревне председателями и членами правлений колхозов, председателями сельсоветов и секретарями партийных ячеек, районными и краевыми уполномоченными. Вина за репрессии, по известной схеме, вновь легла на местных «перегибщиков», «цеплявшихся за отжившие формы работы».

К весне 1933 г. партия «уже не нуждалась в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников». Директива запрещала производить аресты «лицам, на то не уполномоченным по закону»,

²² Ленин В. И. О двойном подчинении и законности. Записка И. В. Сталину для Политбюро от 20 мая 1922 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1970. С. 197.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. М., 1969. С. 340.

²⁴ Понятие «перегиб» сегодня представляет интерес не в политическом, а именно в правовом понимании. Толковый словарь Ушакова определяет его как «вредную крайность, неумеренность, механичность в применении, осуществлении или в формулировке чего-нибудь». Допуская *перегибы*, должностные лица явно выходили за пределы предоставленных им полномочий, а нередко и злоупотребляли ими (даже проводя «генеральную линию»). Однако их действия крайне редко квалифицировались по ст. 77, 109, 110 УК РСФСР 1926 г. Политически выгоднее было показать, что они «оказывали... прямую помощь классовому врагу» (Постановление ЦК ВКП(б) от 15 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930. М., 2000. С. 304) и «на основании перегибов по проведению правильной линии» стремились «отменить эту линию, заменив ее линией оппортунистической» (Сталин И. В. О правом уклоне в ВКП(б) // Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 31).

²⁵ Зеленгин И. Е. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 28–42.

²⁶ Документ опубликован не был.

заключать под стражу до суда за маловажные проступки. Предусматривалось освобождение 400 тыс. арестованных (примерно половина от общего контингента лиц, содержащихся в тюрьмах и следственных изоляторах). Требуя «немедленно прекратить всякие массовые выселения крестьян», Директива отменяла немедленное выселение из сельской местности около 100 тыс. семей. Выселения продолжались, но «только в индивидуальном и частичном порядке и в отношении только тех хозяйств, главы которых ведут активную борьбу против колхозов и организуют отказ от сева и заготовок» (около 12 тыс. хозяйств).²⁷

Требование о прекращении массовых выселений было составной частью кампании борьбы за строгое соблюдение законности, которая развернулась, как показала практика, ненадолго в середине 1930-х гг. Передовая «Правды», определяя социалистическую законность как «важнейший метод управления советским государством», ставила задачу «обеспечивать строжайшее и единообразное применение советских законов во всей стране и вести беспощадную борьбу, невзирая на лица, с каждым нарушением закона». Советский закон представлялся как «живое и оперативное выражение воли партии и правительства, проникнутое духом борьбы за социализм». Партия призывала прекратить «безответственную болтовню» о том, будто бы требование соблюдения советских законов по существу и по форме является «бюрократической формалистикой». Нужно «драться за самое точное, недвусмысленное и исключающее возможности всяких лжетолкований исполнение советских законов и за соблюдение при применении закона тех именно форм, которые установлены советским государством». ²⁸ К кулачеству эти призывы не относились по двум причинам: во-первых, действующее законодательство не содержало понятия «кулак», а во-вторых, к моменту начала борьбы за законность кулак уже был «ликвидирован как класс».

По завершении коллективизации и раскулачивания в начале 1933 г. для оставшихся единоличных хозяйств были введены «имеющие силу налога твердые обязательства» — нормативы сдачи продукции, превышавшие колхозные на 5–15 %. При этом в документах фигурировали «кулацко-зажиточные» дворы, которые должны были сдавать в полтора раза больше продукции, чем «трудовые» дворы. Ни те, ни другие никакого определенного статуса, равно как и критериев определения, в гражданском законодательстве не имели. Более того, из газеты «Правда» можно было узнать, что кулачество успешно ликвидировано, но на практике почему-то продолжало облагаться налогом. Имущество единоличных хозяйств по-прежнему изымали в счет погашения налогов, обязательных платежей и «твердых заданий», не имевших не только стимулирующей, но и фискальной функции, ориентированных исключительно на прекращение экономической деятельности единоличного хозяйства по политическим мотивам. Таким образом, правовое регулирование отношений в советском сельском хозяйстве с применением налогового прессинга было направлено на подрыв наиболее эффективного производителя. Стимулировался «не всякий рост производительности труда», а лишь обеспечивавший «систематический перевес социалистического сектора хозяйства». При этом политический фактор «перевеса» абсолютно доминировал над экономическим фактором эффективности. Право

²⁷ Цитаты из Директивы приводятся по: История СССР. 1990. № 6. С. 41–42.

²⁸ Правда. 1934. 7 авг.

не регулировало, а, скорее, разрушало сложившиеся отношения, перестраивая их под идеологически (не экономически) заданную модель, что было характерно для советской практики (хозрасчет, сталинский план преобразования природы, экономная экономика, развитой социализм и т. п.).

Показательно, что мелких кустарей и ремесленников, не претендовавших на земельную собственность и не конкурировавших с социалистической промышленностью, никто не раскулачивал. Правительство даже мирилось с тем, что «учесть всю кустарную и ремесленную продукцию невозможно».²⁹ Мирно, но настойчиво кустарей стимулировали к вступлению в потребительскую кооперацию,³⁰ обходясь при этом без репрессий и спокойно наблюдая за обширным теневым сектором в этой сфере.

В целом политика раскулачивания выполнила поставленные перед ней задачи: *экономическую* — ликвидировать не контролируемый государством сектор частного сельского товарного производства, монополизировать сельскохозяйственное производство и *политическую* — ликвидировать оппозиционно настроенный к советской власти слой сельских товаропроизводителей. При этом и к окончанию кампании подлинно правовые (а не административно-произвольные) основы для ее проведения так и не были выработаны, понятие «кулак» не определено и формально не закреплено, основания для законного, в рамках действовавшего права, изъятия собственности не установлены. Все это имело далеко идущие последствия: во-первых, существенно затруднило вопросы реабилитации, о которой в то время по понятным причинам никто не думал (доказать политический характер репрессии чрезвычайно сложно; формально кулацкие хозяйства нередко ликвидировались по причине невыполнения налоговых обязательств, а репрессированные получали справки о том, что имущество было изъято в счет погашения налогов или «твердого задания»); во-вторых, создало прецедент силового регулирования отношений собственности за пределами действующего законодательства; в-третьих, сформировало негативный исторический фон, существенно ухудшающий восприятие потенциальным инвестором российских реалий при принятии решения. Именно поэтому, когда иностранный инвестор ссылается на слабые юридические гарантии собственности, он ссылается на повторяющийся опыт,³¹ который не забыт и составляет своеобразное «портфолио» страны и власти.

Гарантии прав собственности, ее защищенности сегодня однозначно воспринимаются как средство повышения инвестиционной привлекательности экономики страны, доверия к государственным институтам, обеспечения стабильности и экономического роста. В то же время, как это часто бывало в российской традиции, «право частной собственности, исходя из общественных интересов, может быть прекращено путем обращения объектов данного права в публичную собственность».³² В этом аспекте Россия имеет, наверно, самый богатый опыт, причем как советский,

²⁹ Рыков А. И. О промысловой кооперации. Речь на открытии второго собрания уполномоченных Всероссийского союза промысловой кооперации (1925 г.). М., 1925. С. 4.

³⁰ Постановление ЦИК и СНК СССР от 3 ноября 1930 г. «О льготах для членов промысловых артелей» // СЗ СССР. 1930. № 56. Ст. 588.

³¹ *Doing business and investing in the Russian Federation 2010*. PricewaterhouseCoopers, 2010. P. 15 (www.pwc.ru/en/doing-business-in-russia/assets/Doing-Business-Russian-Federation-2010.pdf).

³² Беситанько А. В. Конституционно-правовые основы частной собственности в Российской Федерации. Автореф. дис. ... к. ю. н. Екатеринбург, 2002. С. 3.

так и, к сожалению, современный. Отличительной чертой всех без исключения мероприятий по изъятию собственности в России («в общественных интересах») был их неправовой или псевдоправовой характер.

Отсутствие четкой правовой позиции по отношению к раскулачиванию именно как к незаконному изъятию собственности подрывает и без того низкую легитимность собственности в России, что влечет неуверенность собственника, вынужденного ориентироваться не на долговременные вложения, а на немедленную отдачу. Как следствие, минимизируются инвестиции, прибыль изымается и направляется в непроизводственную сферу или выводится за рубеж. В России, как обоснованно отмечает А. О. Акулов, именно отсутствие гарантий прав собственности является ведущим фактором оттока капитала.³³ Кроме того, низкая легитимность собственности усиливает негативное отношение общества к бизнесу, что не только поляризует общество, но и актуализирует лозунги и методы прошлого.

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2014 г.

³³ Акулов А. О. Специфика отношений собственности в России и условия деятельности промышленных предприятий // Экономические науки. 2011. № 10 (www.rusnauka.com/21_NTP_2011/Economics/10_90645.doc.htm).